

За несколько минут до того, как Лу Синьчэн вошел в комнату, Лу Чэнъе сглотнул слюну, и его адамово яблоко подпрыгнуло, он повернулся к Чжан Хану и сказал: «Хан Хан, твое лицо, рот, уши и ноги, я хочу облизать тебя. Как ты думаешь, мне стоит сходить к психиатру?»

«Зачем тебе к психиатру? С тобой все в порядке. Любой, кто был бы собакой в течение пяти лет, имел бы такую привычку. Я уверен, что психически ты здоров», - Чжан Хан сел на край кровати и прислонился к боку мужчины, чтобы успокоить его. Они были очень близки друг к другу, и Лу Чэнъе нельзя было винить за то, что он дал волю своему воображению.

«Я просто хочу сделать это с тобой - сказал Лу Чэнъе, склонив голову к шее Чжан Хана, - но я действительно боюсь, что однажды не смогу себя контролировать и ты рассердишься».

«Что бы ты ни делал, я не буду сердиться. Я всегда смогу понять тебя. Ты - мой Дахэй», - Чжан Хан обнял Лу Чэнъе за шею, прижавшись щекой к его лицу, а затем удовлетворенно закрыл глаза.

Счастье от возвращения потерянного сокровища заставило Чжан Хана не иметь ни малейшего сопротивления по отношению к Лу Чэнъе, и он соглашался на все его слова и действия. Можно было предположить, что если бы Лу Чэнъе сейчас сказал парню: «Хан Хан, ты ведь сможешь мне искупаться? Хан Хан, тебе, наверное, неудобно делать это в одежде, лучше сними ее. Мы можем искупаться вместе? Хан Хан, могу я прикоснуться к тебе?» - и все такое, то Чжан Хан, несомненно, согласился бы.

С другой стороны, у Лу Чэнъе действительно были скрытые намерения. Когда он был собакой, он мог только смотреть на юношу до носового кровотечения, но теперь он был таким же человеком, как Чжан Хан. У него были ноги, чтобы ходить прямо, руки, чтобы обнимать Чжан Хана, рот, чтобы говорить с Чжан Ханом, и глаза, чтобы быть глазами Чжан Хана.

У меня есть так много достоинств, как я могу продолжать терпеть?

«Тогда... Хан Хан, я хочу тебя сейчас облизать. Не сердись, ладно?» - осторожно спросил Лу Чэнъе.

Чжан Хан с улыбкой кивнул и ободряюще поцеловал Лу Чэнъе в лоб, совсем как раньше, только на этот раз на лбу не было меха.

Поэтому Лу Чэнъе бесцеремонно склонил голову и лизнул Чжан Хана в щеку и ухо. Когда Лу Синьчэн вошел в палату, Лу Чэнъе уже облизывал губы парня, но, так как это выглядело как поцелуй, это спугнуло Лу Синьчэна.

«Он мне не нравится», - после ухода Лу Синьчэна Чжан Хан говорил очень прямо. Да и в присутствии этого мужчины он тоже не скрывал своих эмоций.

«Я сейчас же позвоню и уволю его», - высокомерно заявил Лу Чэнъе и потянулся за мобильным телефоном. Если бы он был королем, то, несомненно, он был бы ущербным правителем, который злоупотреблял властью из-за того, что его разум был затуманен похотью.

«Не создавай лишних проблем, - Хан Хан хлопнул его по руке. - Он был с тобой столько лет и всегда заботился о тебе. Я знаю, что он очень важен для тебя и компании. Почему ты так суетишься?»

«Ты его не любишь, так что все это больше неважно», - Лу Чэнъе воспользовался случаем, чтобы схватить Чжан Хана за руку, и несколько раз в нежной ласке легонько потер его ладонь кончиками пальцев.

«Ты... действительно эгоист», - сказал Чжан Хан. Дыхание Лу Чэнъе стало отчетливо беспорядочным, как у удрученного Дахэя, и даже если Чжан Хан не мог увидеть мужчину, он мог представить себе, как уши Дахэя поникли.

Чжан Хан, погруженный в свои воспоминания, показал сладкую улыбку, а затем крепко сжал руку Лу Чэнъе и сказал: «Даже если я так сказал, ты не думай, что я ненавижу это. На самом деле, я считаю, это даже хорошо, что ты такой эгоистичный. Ты мне и таким нравишься».

Лу Чэнъе почувствовал, словно погружается в липкую медовую воду, и вообще не хотел выбираться из этого сладкого омута.

Он слушал, как Чжан Хан продолжал говорить: «Ты ведь знаешь, что случилось, когда я был ребенком. В то время я везде был лишним и никому не был нужен. Моя мать умоляла меня пойти к моему биологическому отцу, она говорила, что я не должен быть таким эгоистом и должен помочь ей. Бабушка опустила передо мной на колени, умоляя отпустить отца, говоря, что я не должен быть таким эгоистом и позволить ему разрушить свою жизнь. Отец ничего не сказал мне, но я знал, что не могу быть эгоистом по отношению к нему. Я не мог сделать его новую семью несчастной и должен был быть благоразумным. Все они говорили мне, чтобы я не был эгоистом, но они сами были эгоистами. Я надеялся, что найдется человек, который сможет быть эгоистичным ради меня, независимо от принципов, морали или закона. Пока я говорю что-то, он будет это делать. Что бы ни касалось меня, он поставит это на первое место, и не по какой-то невыразимой причине, а просто потому, что он готов бросить все ради меня. Вот такого человека я всегда хотел в своей жизни».

Он приблизился к шее Лу Чэнъе, прижался лицом к его лицу и тихо сказал: «В твоих глазах я чистый, добросердечный, принципиальный и законопослушный. Ты чувствуешь разочарование, слыша, как я говорю, что после этих пяти лет я повзрослел и стал лицемерным?»

Лу Чэнъе был свидетелем прошлого Чжан Хана, он видел все его болезненные годы своими собственными глазами. На первый взгляд Чжан Хан был безразличным, словно те старые раны затянулись и полностью зажили. Однако только Лу Чэнъе знал, что под шрамом в его сердце старые раны давно загноились и не будет исцеления, если этот гнойник не вскрыть. Его сердце сжалось, когда он крепко обнял Чжан Хана: «Хан Хан, ты же сам сказал, что я эгоист».

Слепой парень легонько кивнул в его объятиях. В объятиях этого человека он чувствовал несравненное облегчение.

«Тогда я так и сделаю, хорошо? - сказал Лу Чэнъе. - Я буду эгоистичным ради тебя, пока жив. Я буду эгоистичен до такой степени, что потеряю всякую рациональность. Эгоистичным до такой степени, что если ты захочешь совершить поджог, то я лишь подолью масла в огонь, а если ты захочешь убить кого-то... Нет, как я могу позволить тебе убивать? Кого бы ты ни захотел убить, я просто найму кого-нибудь для этого».

Чжан Хан поддался уговорам Лу Чэнъе, и печали его прошлого постепенно рассеивались от слов этого человека. Он сжал кулак и ударил Лу Чэнъе в грудь, говоря: «Кто хочет совершить убийство и поджог, а? Я изучал закон!»

«О, как больно, ты нанес мне внутреннюю травму!» - Лу Чэнъе прикрыл грудь и притворился раненым, что заставило Чжан Хана так сильно рассмеяться, что он не мог остановиться.

«Расскажи мне, как ты получил диплом юриста? - Лу Чэнъе внезапно подумал об этом и спросил. - Могут ли слепые люди в Китае теперь сдать экзамен и получить лицензию юриста?»

«Когда я был за границей, я хотел вернуться домой, чтобы сдать экзамен, но мои одноклассники и учителя посоветовали мне этого не делать. Однако то, что я хотел изучать - это законы нашей страны, в чем мне может быть полезен сертификат иностранного юриста? Поэтому я не стал прислушиваться к чужим советам и вместо этого вернулся в Кайши, чтобы сдать экзамен. После того, как я записался, наша директор школы для слепых каким-то образом узнала эту новость, поэтому она пришла помочь мне написать заявление, спросив комиссию, будет ли мой экзамен написан шрифтом Брайля. Поначалу они не были согласны. Позже, я не знаю, куда она обратилась, но в этот вопрос вмешались средства массовой информации. Какое-то время эта тема очень громко обсуждалась. Комиссия не хотела получить дурную репутацию организации, дискриминирующей инвалидов, поэтому они специально подготовили экзаменационную работу, написанную шрифтом Брайля. Конечно, лист ответов нельзя было заполнять шрифтом Брайля, иначе бы это помешало оценке. Тем не менее я успешно прошел оба теста, и даже новости Кайши освещали это, но ты этого не видел, верно?»

«Ладно, ладно, я этого не видел, - Лу Чэнъе не мог оправдать себя. Он беспомощно сказал. - Ты же знаешь, я стал Дахэем в 2015 году после автомобильной аварии. Тот я не был твоим Дахэем, и у меня тогда не было никакого впечатления о прекрасном молодом человеке по имени Чжан Хан».

Услышав, что Лу Чэнъе переворачивает тему, чтобы похвалить его, Чжан Хан почувствовал, что, с тех пор, как он снова встретил Дахэя, улыбки и радость, казалось, заполняли каждый уголок его жизни, и он смеялся гораздо чаще, чем когда-либо. Иногда, когда он возвращался домой, он смеялся посреди ночи в своих снах, не говоря уже о моментах, когда Лу Чэнъе дразнил его.

Счастье... Это абсолютное счастье.

Когда я был с Дахэем в школе, я всегда знал, что кто-то ждет меня снаружи; когда я спал, то знал, что кто-то есть рядом со мной; когда я ел, то знал, что кто-то присматривает за мной, а теперь я даже могу слышать слова этого человека.

Счастье было большим и черным. Пока он был рядом, независимо от того, что происходило во внешнем мире, Чжан Хан был счастлив. Даже тогда, когда мать бросила его, так как Дахэй был там, чтобы отвести его в полицейский участок, он чувствовал себя невероятно счастливым.

Чжан Хан поднял руку и прикоснулся к лицу Лу Чэнъе. Он не мог себе представить, как выглядел этот человек, но на его лице не было меха, который можно было бы погладить, так что он был немного разочарован.

Лу Чэнъе знал его так хорошо, что с первого взгляда понимал мысли Чжан Хана. Он положил пальцы молодого человека на свою щетину и сказал: «Смотри, вот тут есть мех».

Чжан Хан: «.....»

«Тебе не нравится отсутствие шерсти? Давай я отращу бороду, как тот бородатый режиссер, которого мы видели по телевизору. Таким образом, ты сможешь прикоснуться к той половине моего лица, которая будет покрыта шерстью. Постепенно ты привыкнешь к этому», - уговаривал его Лу Чэнъе. Когда он был с Чжан Ханом, он больше не принимал во внимание свои принципы и все остальное. В любом случае он был эгоистом.

Чжан Хан: «.....»

Воспоминания о том времени, когда он еще мог видеть, давно стали очень расплывчатыми, но он попытался вспомнить фигуру режиссера с большой бородой. Этот человек выглядел так ужасно, что никто не мог вынести его вида: «Это слишком... Я, конечно, уважаю режиссеров, но это действительно... м-м-м».

Увидев перекошенное лицо Чжан Хана, Лу Чэнъе не смог удержаться от смеха. Он взял его за руку и сказал: «Хорошо, тогда тебе придется прикоснуться к моему лицу несколько раз в день и ты постепенно привыкнешь к этому. Ты можешь просто думать о нем, как о... человеческом лице Дахэя».

Чжан Хана это снова позабавило: «Но без собачьих ушей и хвоста я не могу чувствовать себя спокойно. Как насчет того, чтобы я пошел и купил искусственные уши лабрадора и хвост, а ты наденешь их и поиграешь со мной?»

Лу Чэнъе: «.....»

Он с трудом сглотнул.

Носить пушистые уши и хвост было бы забавно в спальне, но, вроде бы, только те, кто снизу, обычно носят их... Если я надену их... Ммм... Это может стать большой проблемой.

Наряжаться в собаку и быть собакой - это были две совершенно разные вещи. Одна из них - вопрос биологического вида, а другая - эротические предпочтения.

Впрочем, для мужчины с несравненно толстым лицом, репутация уже не имела значения. Лу Чэнъе стиснул зубы и сказал: «Такие вещи стоит сделать на заказ, готовая продукция обычно среднего качества и не будет достаточно реалистичной. Давай найдем профессионального мастера, чтобы сделать их. Нам нужно получить полностью реалистичные аксессуары, а затем сделать несколько комплектов...»

Чжан Хан смеялся до слез. Вот такая безусловная поддержка была именно тем, о чем он всегда мечтал...

«Лу Чэнъе, позволь мне прикоснуться к твоему лицу», - внезапно сказал Чжан Хан.

Лу Чэнъе был немного смущен. Он уже много раз дотрагивался до моего лица. Почему же на этот раз его отношение кажется особенным?

Рука Чжан Хана коснулась лица Лу Чэнъе и начала с его лба. Лоб у Лу Чэнъе был высокий, а брови довольно густые, с острыми кончиками, что создавало впечатление острия клинка. Этот человек, несомненно, был очень решительным и достаточно жестким. Затем он ощутил высокую переносицу и отчетливые углы и линии скул. Он очертил его лицо пальцами по контуру, и понял, что этот человек был очень красив. Поскольку Лу Чэнъе еще не восстановился до конца, его лицо было худым и подбородок был несколько острым, но этот человек определенно был очень властным.

Наконец, Чжан Хан прикоснулся к губам Лу Чэнъе, и его пальцы задержались на них в течение длительного времени. Лу Чэнъе чувствовал, что его сердце вот-вот выскочит из груди.

Эти губы были тонкими и немного жесткими. Большинство людей с тонкими губами были холодны и равнодушны, и в целом Лу Чэнъе производил такое же впечатление. Но теперь этот самый Лу Чэнъе испытывал к нему очень сильные чувства.

Этот мужчина действительно бессердечный и свое сердце он отдал мне.

Чжан Хан вдруг не удержался и заплакал, но это были слезы счастья.

Я обменял десять лет страданий на эгоизм этого человека.

В его глазах - это того стоило.

<http://bllate.org/book/13843/1221844>